УДК 130.31:215(470+571)“18”

Гончаренко Игорь Викторович

**аспирант кафедры философии и теологии
Белгородского государственного
Национального исследовательского университета**

КОНЦЕПТ СЕРДЦА: РАЗМЫШЛЕНИЯ СВТ. ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ XIX В.

Аннотация:
В статье излагаются результаты авторского исследования концепта сердца в философско-богословской мысли крупнейшего деятеля русской культуры XIX столетия – свт. Феофана Затворника (Г.В. Говорова). Указывая на широкий семантический контекст религиозно-философской мысли, в который погружены размышления свт. Феофана, автор обращается к трудам И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, И.А. Ильина, П.А. Флоренского, Б.П. Вышеславцева и др., посвященных философии сердца. Позиция свт. Феофана отличается последовательной практической обращенностью к мистико-аскетической христианской традиции человека ищущего. По мысли свт. Феофана, концептуально-философское распознание сердца как символа сокровенного бытия русской души предполагает и понимание его как символической инстанции самопознания («человеческого самочувствия»); удержание этой инстанции в горизонте самопознания позволяет избегать дуализма рационалистического и/или сенсуалистического понимания человеческой природы. Теоретико-моделирующим подходам к изучению человека свт. Феофан предпочитает целостное, практическое понимание жизненной полноты человеческого опыта, его принципиальной открытости – вплоть до диалогической обращенности к Первообразу, в сочувственном тождестве веры и истины, в надежде найти ответы на вечные вопросы, связанные с целью и смыслом человеческого существования. В заключение отмечается, что практическая концептуализация сердца, намеченная свт. Феофаном, остается актуальной для современных философско-антропологических исследований в эпоху после постмодернизма, когда активизировались процессы возвратного понимания исторически различных антропологических парадигм.

Ключевые слова:
русская религиозная философия, философия сердца, человеческое самочувствие, сердечное созерцание, мистика, личность.

Goncharenko Igor Viktorovich

**PhD student,
Philosophy and Theology Department,
Belgorod State National Research University**

THE CONCEPT OF THE HEART: THE REFLECTIONS OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE 19TH CENTURY.

Summary:
The paper presents the author's study of the concept of the Heart in the philosophical and theological thought of the largest figure in Russian culture of the 19th century – St. Theophan the Recluse (G.V. Govorov). Pointing to the broad semantic context of religious and philosophical thought, in which the thoughts of St. Theophan are immersed, the author refers to the works of I.V. Kireevsky, A.S. Khomyakov, I.A. Ilyin, P.A. Florensky, B.P. Vysheslavtseva et al. dedicated to the philosophy of the Heart. The position of St. Theophan is distinguished by a consistent practical appeal to the Christian mystical-ascetic tradition of the seeker. According to St. Theophan, the conceptual and philosophical recognition of the Heart is a symbol of the innermost being of the Russian soul and also the instance of self-knowledge ("human self-awareness"); the retention of this instance in the horizon of self-knowledge allows us to avoid the dualism of a rationalistic and/or sensualistic understanding of human nature. St. Theophan prefers not theoretical or modeling approaches to human research but a holistic, practical understanding of the vital completeness of human experience, the fundamental openness of real human existence up to the dialogical appeal to the Primary Image, in the sympathetic equality of faith and truth and in the hope of finding answers to eternal questions related to the purpose and meanings of human being. The work concludes that the practical conceptualization of the Heart, outlined by St. Theophan, remains relevant for modern philosophical and anthropological research, in the era after postmodernism, when the processes of a return understanding of historically different anthropological paradigms are really activated.

Keywords:
Russian religious philosophy, philosophy of the Heart, human self-awareness, heart contemplation, mysticism, personality.

«Заветный» символ русского культурного самосознания. Феномен сердца, его осмысление, постижение, осознание непостижимости глубин и мистических соприкосновений всегда затрагивали «одну из заветных струн русской философской лиры» [1, с. 59]. Наиболее существенные концептуальные разработки феномена встречаются на перепутьях русской литературно-философской традиции, университетской и духовно-академической философии и русского романа. Крупнейшими русскими мыслителями, размышлявшими над этой проблемой в XIX в., были Г.С. Сковорода, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, П.Д. Юркевич, свт. Феофан Затворник, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Лебедев, В.А. Снегирев, М.М. Тареев, Н.Е. Пестов, Б.П. Вышеславцев, С.П. Попов, С.Л. Франк, о. П. Флоренский, В.Ф. Эрн, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев и др.

И.А. Ильин рассматривает философию сердца в качестве общего онтологического условия sine qua non современной ему философской мысли, существенным образом нуждающейся в сосредоточенном внимании к способности человека к целостному «сердечному созерцанию» – «самой глубокой и благородной способности человеческого существа», в которой пребывают в некоем исконно синтетическом или органическом единстве все «духовные силы, дары и проявления» [2, с. 135]. Эта способность действует нисколько не самозаконно, не автоматически; напротив, она нуждается в беспрерывном обновлении и возрождении, в свободном и решительном культурном самополагании человека, желающего сохранять и упрочивать эту способность, готовность выстрадывать и возрождать ее в некоторой деятельной и «самобытной» полноте своего существования – в окоеме культурной традиции, неповторимого и неединственного, целостного своего бытия. Самобытность целостного русского самосознания напрямую связывается им с «таинственной культурой сердца» [3, с. 420]. При этом «таинственность» здесь не есть некий гностический символ, нисколько не свидетельство неразгадываемой русской души или иррационального характера русского народа. Это тайна, ничуть не привносимая в русскую культуру и не износимая из нее как нечто субстанциальное, сущее само по себе. Согласно И.А. Ильину, это тайна сопричастности, следствие христианского свободного и совместного мышления, в котором естественно исходить из способности целостного созерцания (не сводимого к вторичным по отношению к этой целостности и «частичным» аналитическим способностям самопознания), где сама эта целостность жизненным образом первична – как сострадание и соработничество, ношение бремен друг друга (Гал. 6:2), когда взаимно полезно устранение недостатков мышления ограниченного, «падшего», аналитически объективирующего нечто необходимое и достаточное или метафизически увлекающегося последними истинами бытия, самозабвенно пытающегося их настичь. Эта тайна не является тайной абстрактно-универсальной христианской философии; она имеет плоть, историческую почву и вполне воплощается в русской идее. В стилистически яркой афористической сумме И.А. Ильина именно «русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова» [4, с. 420]. В этой идее он усматривает основной источник русской философско-религиозной мысли и в целом русского культурного самосознания, «главную силу России и русской самобытности» [5, с. 420], которая позволяет сохранять историческую идентичность русского мыслящего и всецело возгорающегося духом христианина. «Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: культуру сердца…» [6, с. 426] – все то, что «другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» [7, с. 420].

В более ранних размышлениях И.В. Киреевского и А.С. Хомякова уясняется целостный характер русского «сердечного» мышления как сердечно осмысливаемого поступка. Русский человек, по И.В. Киреевскому, «каждое важное и неважное дело свое всегда связывал непосредственно с высшим понятием ума и с глубочайшим средоточием сердца» [8, с. 283]; таким образом реализуется стремление русского человека к «внутреннему живому» [9, с. 289] – истине самосознания, обретаемой «посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточению разума» [10, с. 288–289]. При этом у А.С. Хомякова, отчетливым образом сохраняющего свою христианскую идентичность, сердце – это прежде всего орган уразумения истины и правды веры: «Чует сердце внутренним смыслом правды и благородством прирожденным душе всякого человека, а доводы разума только подкрепляют это непосредственное чувство» [11, с. 100]. Рассудок человека – это своего рода «трость, качаемая ветром» – явление недостаточно твердое, не наполненное решимостью отстаивать истину и потому часто покоряющееся «власти неверия», когда пытается справиться с «явными противоречиями ваших верований» [12, с. 226]; – власти, от которой «отбивается ваше сердце и которой, против вашей воли, часто подчиняется ваш рассудок» [13, с. 226].

Согласно Б.П. Вышеславцеву, систематизировавшему онтологическую семантику философии сердца в России, сердце – «предельный таинственный центр личности, где лежит вся ее ценность и вся ее вечность» [14, с. 63]. Н.О. Лосский отметил, что термин «сердце» у Б.П. Вышеславцева не сводится к способностям восприятия внешнего миропонимания, его место «гораздо более значительное – именно то онтологическое сверхрациональное начало, которое есть истинная самость личности» [15, с. 106].

Наиболее обстоятельное исследование мистического аспекта философии сердца было предложено о. П. Флоренским в связи с этносоциальными и историко-культурными исследованиями, символическими моментами физической антропологии (отношением живота, сердца, головы). В рассмотрении «оргиастических культов древности» [16, с. 267] и отчасти в католицизме П. Флоренский распознает культ мистики живота, локализующего целостность человеческого существования, и подобный ему культ мистики головы (как у йогов, теософов, оккультистов и др.);

такая локализация – сведение человеческого самопонимания к мистике частичного, по П. Флоренскому, является ложной, поскольку «необходимо увеличивает и без того нарушенное равновесие жизни и в конец извращает естество греховного человека» [17, с. 267]. Подлинная, практическая сердечная сосредоточенность – это мистика сведения ума в сердце, очищение сердца от страстей и всякого рода зла, «мистика средоточия человеческого существа» [18, с. 267]. Согласно П. Флоренскому, одна только христианская мистика способна правильно восстанавливать человеческую личность, ибо «дает ей возрастать от меры в меру» [19, с. 267]. В средоточии человеческого существа оказывается не «головное» я или безличное нечто, а некоторая – отнюдь не частичная! – общная, конкретно-личностная и сердечно-сочувственная открытость Другому в себе. Это вполне соответствует восточной традиции, православной установке философски подвижнического мышления, направленной за пределы тварного, которая ни в коем случае не мыслится как основание для растворения части в целом высшего бытия или обособленного в нем, неделимо-элементарного, индивидуального существования. Это ситуация сорастворения в Другом – Богообщения как центрального события восточной жизненной практики самопознания и самовоспитания, в процессе которых происходит личностная трансформация, фаворское высветление человеческого существа (Мф. 17:2), в сердечном-диалогическом сосредоточении встречающегося с Богом. Богообщение раскрывает в человеке новые качества и горизонты сердечного самопонимания – в зеркале совместной заботы о Другом.

Практическая философия сердца: смысловые ориентации свт. Феофана Затворника. Свт. Феофан Затворник (в миру – Георгий Васильевич Говоров) – уникальный представитель русского религиозно-философского энциклопедизма и, весьма обстоятельным образом, традиции восточного мистико-христианского дискурса XIX столетия. Он уделяет пристальное внимание осмыслению сердечно-символического начала христианского мышления, делает его областью мысленных экспериментов по сличению разных подходов к онтологической семантике христианской философии, стремится к практическому, деятельному его пониманию.

В исследованиях свт. Феофана сердце является своего рода высшей инстанцией человеческого самочувствия, всех процессов, которые так или иначе происходят в человеке: «Оно чувствует постоянно и неотступно *состояние души и тела*, а при этом и *разнообразные впечатления* от частных действий душевных и телесных, от окружающих и встречаемых предметов, от внешнего положения и вообще от течения жизни» [20, с. 30]. Это сердечное самочувствие имеет своим пределом сочувствие религиозное; религиозная жизнь только тогда и становится для человека значимой, когда оказывается напрямую связана с его сердцем. Сосредоточенное в себе, «головное», как сказал позже о. П. Флоренский, размышление о некоей теоретически усматриваемой или исторически предполагаемой абсолютной границе человеческого существования, вера в божество как истину этой границы, не является истинной во всецелом, человеческом смысле слова истиной, обретающей смысловой статус в познавательной деятельности человека целостного.

Преимущественно интеллектуальное, «умовое» или, напротив, сугубо чувственное «нащупывание» абсолютной границы человеческого существования не есть, согласно свт. Феофану, истина сущего в человеке – деятельного, пришедшего в органическое тождество с собою знания бытия и доверия к нему. За двойственностью умового и чувственного самопонимания скрывается слепая вера в некоторое «что» сущего. Истина веры зрячей предполагает не умозрительно-чувственное удвоение или двоякое субстанциальное ограничение Сущего, а *встречу* человека с высшим и, координатным образом, с собою на предельной глубине своего практического существования, встречу-благо, благодатное и благодарное общение с таинственно-троически Сущим и непотаенным от желающего встречи с Ним Христом. Христианин, в понимании свт. Феофана, должен учиться «питать к Нему благодарные чувства, с готовностью посвящать всю жизнь свою» [21, с. 131]. Сердце – это единый духовно-душевный орган, в котором только и могут родиться и жить богоугодные чувства и расположения души; истинная вера «выражает религию сердца» [22, с. 131] и познавательно символична.

Согласно свт. Феофану, искажения в религиозной жизни начинаются с чувственного охлаждения. Русский мыслитель при этом исходит из жизни возникшей и развивающейся и поэтому представляет сочувственное начало философии сердца в обратной перспективе, движется не от способности сосредоточения в своем другом, а от забвения онтологического, мистически светлого, «святого» сочувствия Божеству: «Охлаждаются и религиозные чувства к Богу, и страх Божий испаряется» [23, с. 131]. Мышление, простирающееся разрешить тайну бытия Божественного, но оставленное при этом соучастия сердечного, оказывается не способным к религиозно-философскому, целостному познанию. Религиозное познание органическим единством связано с внутренним соединением человеческого существа с Непостижимым Божественным. Стало быть, если в процессе познания участвует только интеллект, только мышление, Бог принимается внешним по отношению

к познающему – как некоторый бесстрастный и безличный объект по отношению к обезличивающему себя в абстрактно-одностороннем познавательном усилии субъекту. С почти афористической яркостью свт. Феофан замечает, что в этом случае «Бог превращается в нечто мысленное и перестает заправлять всеми внутренними движениями человека» [24, с. 131].

В понимании свт. Феофана значение сердца раскрывается не только в определенного рода переживаниях – не в том лишь, «чтоб страдательно состоять над впечатлениями» [25, с. 31]. Сердце у свт. Феофана – это источник энергии, жизненный центр, двигатель, приводящий в движение все жизненные силы человека (и духовные, и душевные, и соматические). Когда человеку какое-то дело приходится «по сердцу», оно идет гораздо быстрее: «Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце!» [26, с. 32]. Напротив, намного медленнее исполняется дело, «к которому не лежит сердце» [27, с. 32], «руки опускаются и ноги не двигаются» [28, с. 32]. Из этого свт. Феофан заключает: «Ревность – движущая сила воли – из сердца исходит» [29, с. 32].

Русская философия сердца, ее прообразы в христианской философско-богословской традиции занимают и современных исследователей (С.С. Хоружего, Г.Я. Стрельцову, Ю.М. Зенько, С.В. Поздневу, Г.В. Ширяеву, Г.Н. Скляревскую и др.). Между тем смысловые контуры понимания сердца как деятельного условия религиозно-философского знания, намеченные свт. Феофаном Затворником, остаются актуальными для сегодняшних историко-философских и философско-антропологических исследований. Тем самым уточняются не только конкретный историзм «духовной жизни человека, по учению Слова Божия» [30], как это представлялось современникам свт. Феофана, но и онтологический горизонт современных исканий человеческой природы в «постисторическую», или постмодернистскую, эпоху обращения к началам различных антропологических парадигм.

Ссылки:

1. Гаврюшин Н.К. Б.П. Вышеславцев и его «философия сердца» // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 55–62.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957. 155 с.
3. Ильин И.А. О русской идеи // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Кн. I. М., 1993. 497 с.
4. Там же. С. 420.
5. Там же. С. 420.
6. Там же. С. 426.
7. Там же. С. 420.
8. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. 439 с.
9. Там же. С. 289.
10. Там же. С. 288–289.
11. Хомяков А.С. По поводу брошюры г-на Лоранси // Сочинения богословские. СПб., 1995. С. 59–105.
12. Хомяков А.С. По поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры // Там же. С. 165–228.
13. Там же. 226.
14. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62–87.
15. Лосский Н.О. Б.П. Вышеславцев. Сердце в христианской и индийской мистике // Путь. 1931. № 28. С. 106–107.
16. Флоренский П.А. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т. 1. Столп и утверждение истины. Ч. 1. 490 с.
17. Там же. С. 267.
18. Там же. С. 267.
19. Там же. С. 267.
20. Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Собрание писем. М., 2009. 336 с.
21. Феофан Затворник, святитель. Толкование послания апостола Павла к римлянам. Гл. 1–8. М., 2006. 744 с.
22. Там же. С. 131.
23. Там же. С. 131.
24. Там же. С. 131.
25. Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь … С. 31.
26. Там же. С. 32.
27. Там же. С. 32.
28. Там же. С. 32.
29. Там же. С. 32.
30. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Труды Киевской духовной академии. 1860. Ч. 1. С. 62–118.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна